

Для цитирования:

Чернов Л. С., Погорельская Е. Ю.
Лицо и следы научного эксперимента // Социум и власть. 2018. № 3 (71). С. 104–111.

УДК 304.2

ЛИЦО И СЛЕДЫ НАУЧНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Чернов Леонид Сергеевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления, доцент кафедры философии и политологии, кандидат философских наук, доцент. Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66. E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Погорельская Елена Юрьевна,

Гуманитарный университет, факультет социальной психологии, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма, кандидат философских наук. Российская Федерация, 620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19. E-mail: schreibigus@mail.ru

Аннотация

В работе проводится попытка редуцировать экспериментальную нововременную научную парадигму, сформированную на материале естествознания к мировоззренческим ценностям современной технической эпохи. Данная процедура помогает анализировать современные социокультурные процессы с позиции социального, идеологического и психологического экспериментирования.

Ключевые понятия:

научный метод, социальный эксперимент, экспериментальная ситуация, природа человека.

Введение

Описание и анализ эксперимента, как правило, происходят в границах естественно научной сферы. Именно здесь присутствуют правдоподобного рода классификации и достаточно чёткие критерии истинности условий и форм экспериментов. При этом мы не должны забывать, что за этими критериями и условиями находятся социально-культурные механизмы, философские и богословские допущения, позволяющие им работать и допускающие эксперимент как феномен науки. Научный эксперимент рождён в конкретное время в конкретных условиях; он был развит и доведён до современных филигранных технических критериев, продолжая распространять свои правила, «неся себя» в сферу и область социального. Однако применение экспериментальных методов в области социального обнаруживает такие черты, качества и последствия научного эксперимента, которые требуют в первую очередь его мировоззренческого анализа. Если сегодня мы говорим о «мире без границ» в разных смыслах и аспектах, то, возможно, в отношении экспериментального познания эти границы следует обозначить. Вопрос в том, какие основания будут у такого рода демаркации. Иллюзия эксперимента заключена в том, что эксперимент производится над нами, в то время как кажется, что мы сами производим его над собой. С одной стороны, эксперимент – насилие, пытка и недопустимое вторжение в природу человека. При этом мы спокойно соглашаемся с тем, что свободно можем делать с собой всё что угодно и в строгом смысле слова наши жизненные опыт и эксперименты экспериментами не являются. Однако в обоих случаях эксперимент как был насилием над предметом – объектом – природой, так им и остался, распространив свою юрисдикцию на социальное и гуманитарное. Мы не рассматриваем иллюзию онтологически, как недопустимую в классическую эпоху, как однозначное со времён Парменида и Гераклита заблуждение, ставшее обыденностью сейчас. Пусть это будет предметом другой работы. Ф. Ницше пишет в «Весёлой науке» о «доброй воле к иллюзии» [17, с. 580], которая должна помочь будущему человеку, человеку весёлому, задорному, радостному и выздоравливающему. Пока нам достаточно того, что иллюзорные реальности соседствуют сегодня друг с другом как товарищи-пациенты на приёме у врача. Обратимся к научному эксперименту в его новоевропейском классическом понимании

и постараемся увидеть его характеристики и проявления в современной социальной жизни как следствие обозначенной выше иллюзии.

Основная часть

Традиционно «эксперимент» рассматривается как научный метод, ставший базовым принципом в познании природы в эпоху Нового времени. Рождение эксперимента как нового пути в исследовании природы связано с тем, что меняются фундаментальные научные ценности. Вместо ценности «объяснения» явлений природы приходят ценности «практики» и «научного открытия». Появление самого понятия «открытие» напрямую связано с географическими открытиями новых земель XVI–XVII вв. Великие географические открытия показали, что мир не ограничивается представлениями, сформированными еще в античности, что мир гораздо больше и требуется не только объяснение уже готовых феноменов, но и исследование принципиально нового, непонятого, того, что никак не укладывалось в традиционную систему мира античных и средневековых авторов. «Научное открытие» предполагало, что возможно принципиально новое знание, которое не исчерпывается инвентаризацией уже готовых вещей. Кроме того, знание, по мнению Ф. Бэкона, обязательно должно приносить пользу, то есть быть не умозрительным, а утилитарным, практичным. Став частью научной новоевропейской парадигмы, эксперимент из метода достаточно быстро превратился в «социальный факт». Если использовать терминологию Э. Дюркгейма, социальными фактами являются «способы мышления, деятельности и чувствования, находящиеся вне индивида и наделенные принудительной силой, вследствие которой они ему навязываются» [10, с. 413]. Социальный факт в таком понимании – это коллективная привычка, которая «существует не только как нечто имманентное ряду определяемых ею действий, но по привилегии, она выражается в какой-нибудь формуле, повторяющейся из уст в уста, передающейся воспитанием, закрепляющейся даже письменно» [10, с. 416]. Иными словами, эксперимент из метода науки, внешнего инструментария становится ментальным качеством, априорным допущением, глубинной характеристикой идеологии общества в целом. Увидеть его в таком качестве и проанализировать его именно так представляется важным. Выделим эти существенные качест-

ва эксперимента, доставшиеся современной науке от эпохи Нового времени.

1. Эксперимент – ситуация искусственная, это не просто наблюдение за природным явлением, это агрессивное целенаправленное воздействие на предмет с целью выявления его скрытых свойств, связей. Декарт говорит, что мы можем наблюдать за стрелками часов, но знание, как часы на самом деле работают, нам будет доступно, только если мы разберемся с внутренним скрытым механизмом. Только эксперимент позволит нам «вскрыть» правильное решение из множества возможных. *Эксперимент обязательно действие, активность в модусе испытания*, т. е. предельного напряжения объекта пытки. Например, открытие кровообращения Уильямом Гарвеем предполагало несчетное количество проведенных экспериментов на различных животных, моллюсках и даже людях для того, чтобы его гипотеза обрела доказательную силу в глазах коллег-физиологов.

2. Эксперимент сопровождается количественными измерениями, в то время как физика Аристотеля предполагала изучение качественных характеристик вещей. Аристотель рассматривал категорию количества как некое свойство вещей, которое не имеет отношение к их сущности: петух может быть большим или маленьким, но он все равно петух. *В Новое время количественные характеристики явлений и их связей становятся источником для понимания истины*. Например, открытие Ньютоном закона всемирного тяготения не предполагает понимание причины, почему существует гравитационное притяжение, но предполагает вычисление гравитационной силы между объектами, имеющими массу. Хотя Готфрид Лейбниц и называл ньютоновскую гравитацию «вечной загадкой», математическое, количественное описание гравитации начинает рассматриваться научным сообществом как базовое в понимании движения планет. Качественное объяснение вещей сменяется количественным описанием явлений. Кант в «Критике чистого разума» [13] вводит понятие Ding-an-Sich для указания источника бесконечного познания мира. Отныне наука занята феноменами, а не сущностями вещей.

3. *Эксперимент – это ситуация театральная, зрелищная*. Эксперимент должен быть продемонстрирован, и неоднократно. Например, Гарвей подчеркивал важность присутствия и участия в его экспериментах короля Карла I и других высокопоставленных свидетелей, причем важно также,

что объекты эксперимента были взяты из зверинца его августейшего величества. Эксперимент близок анатомическому театру. Принципы медицинской аутопсии (посмертного вскрытия тела и исследования органов) хорошо иллюстрировали, повторяли и моделировали научный эксперимент. Впервые, аутопсия проводилась публично, что делало её воспроизводимой во множестве других случаев, во-вторых, с мёртвым телом можно было не церемониться, ибо истина науки и жертвы ради неё перекрывали все моральные и другие издержки, и наконец, в-третьих, «все это происходит в уверенности, что скрытая природа вещей может и должна стать в условиях эксперимента непосредственно наблюдаемой» [3, с. 100].

Три вышеназванные признака касаются не только собственно научной деятельности. Эти признаки стали возможными в силу изменившихся культурных, религиозных и антропологических параметров. Например, греческие герои активно совершают подвиги, ищут приключений, доказывают в битвах своё преимущество перед врагами, но и боги активно участвуют в этих соревнованиях, в играх людей. Мир здесь не является объектом для человека, поскольку в мире действуют и иные силы, нежели человеческий интерес. Анатомический театр и театр античный различаются степенями созерцательности. В одном созерцательность переходит в действие, в другом же созерцательностью остаётся. Люди и боги взаимодействуют, но не непосредственно, а опосредованно: через судьбу, рок, пророчество. Ещё пример: для Маленького Принца одноимённой повести человек, считающий звёзды, – сумасшедший. А между тем, этот человек умеет отвлечься от качества того, что именно он считает и превращает количество звёзд в товар. Это «количество» можно положить в банк и получать на нём проценты. Вспомним образ М. И. Кутузова «Войны и мира», который плохо видит (одним глазом), выглядит сонно, «как бы» вяло двигается и которому совсем не нужно обозревать во всей полноте сцену сражения. Полнота зрелища М. И. Кутузову в принципе не нужна, как невозможно для человека мировоззрение в строгом смысле слова. Для эксперимента и науки полнота обзора желательна, ибо они претендует на всеобщий (в духе паноптикума) обзор.

Итак, мы зафиксировали три существенных признака самой экспериментальной ситуации: возможность порождающего *актасо* стороны субъекта, *количественный* подход к

разного типа предметам и специфическую практическую *зрелищность*. Рассмотрим эти признаки применимо к предметам социальным.

Социально-психологический эксперимент описан в книге Филиппа Зимбардо «Эффект Люцифера» [11]. Автор анализирует свой эксперимент 1971 г., позднее получивший название Стэнфордский тюремный. Зимбардо был автором, «творцом» этого известного эксперимента, в котором принимало участие 24 человека со стороны «заключённых» и несколько наблюдателей, членов учёной группы. Участники эксперимента сами по объявлению захотели участие в исследовании, согласившись на зарплату 15 долларов в день. Они случайным образом были поделены на «охранников» и «заключённых», согласившись две недели провести в подвале университета, переделанном под тюремные камеры. Эксперимент проводился по заказу ВМФ США и ставил целью исследование личностных поведенческих реакций в их зависимости от заранее установленной социальной роли. Наблюдение должно было длиться две недели, но уже через 6 дней эксперимент был завершён, ибо, как сказали его организаторы, «вышел из-под контроля». Фактически сразу «охранники» стали вести себя неоправданно жестоко в отношении «заключённых», а «заключённые» оказались тотально деморализованы и подавлены. Одному «заключённому» понадобилась срочная медицинская помощь, другие же легко приняли на себя роль жертвы, полностью подчинившись тем манипуляциям и действиям, которые над ними проводила «охрана». Зимбардо подчёркивает, что «тюремщикам» не было дано никаких специальных указаний как вести себя конкретно. Был лишь один запрет на прямое физическое насилие в отношении узников.

До сих пор не ясно, каковы конкретные результаты этого эксперимента и можно ли его считать успешным. И это при том, что данного рода эксперименты позднее повторялись и сам Стэнфордский тюремный эксперимент связан с более ранним, тоже американским, экспериментом 1963 г., проводимым под руководством Стэнли Милгрэма в Йельском университете. Уже эксперимент Милгрэма показал, что человек с лёгкостью перекладывает ответственность за проявляемую им жестокость на плечи авторитета, учёного, старшего, «научной истины» [15]. Характерно, что сам Милгрэм, семья которого была жертвой нацистского режима в Германии во время Второй миро-

вой войны, позднее, после исследований в США, планировал продолжить эксперимент в Европе. Он хотел понять природу массового психоза немецкой нации в период эпохи Гитлера. Однако, поездка в Европу оказалась ненужной, ибо многочисленные повторы эксперимента, который получил название «Повинуемость» благодаря документальному фильму, снятому во время эксперимента, показали общую характеристику природы человека в этом конкретном вопросе. Вне зависимости от его национальной, партийной, классовой и каким-либо другим принадлежности.

В ходе эксперимента Милгрэма его участники, которые якобы помогали ученикам развивать способности памяти, были вправе наказывать нерадивых учеников небольшим ударом электрического тока. Так разрешалось и рекомендовалось организаторами эксперимента. Ученики были подставными, специально подобранными людьми и никакого удара они не получали, однако те, кто его делал, те, кто учил, те, кто активно вмешивался в процесс улучшения памяти, этого не знали. А ученики в свою очередь демонстрировали, что получали удары током и испытывали боль. Даже не желая причинять боль «ученикам», «учителя» подчинялись авторитету университета, авторитету обстановки лаборатории и продолжали через насилие развивать память другого при помощи ударов тока. Повторим, «учителя» жалеют «учеников», они не испытывают к ученикам изначальной неприязни, однако задача эксперимента заставляет применять насилие, повышая степень электрического разряда раз за разом. Милгрэм пишет: «Парадоксально, что именно такие добродетели, как верность, дисциплина и самопожертвование, которые мы так ценим в человеке, создают разрушительные механизмы войн и привязывают людей к бесчеловечным системам власти» [15, с. 246].

И в отношении Стэнфордского тюремного эксперимента Ф. Зимбардо, и в отношении эксперимента «Повинуемость» С. Милгрэма можно сделать следующие выводы.

Сама ситуация эксперимента меняет личностные характеристики человека. Идентичность «надзирателя», «заклочённого», «учителя» и «ученика» нивелируется и меняется. Она целиком становится зависимой от заранее предписанной роли. Оказывается, что никакой изначальной идентичности нет, как нет и изначальной природы человека (добрый, разумный), а есть лишь ситуация, подкреплённая юридически, научно, рационально.

В ходе эксперимента его участники достаточно легко перешагивают через сочувствие, через симпатию и этические нормы поведения. Эксперимент позволяет быть немножечко бесчеловечным, немного злым, немного суровым и строгим. Степень этого «немного» крайне расплывчата и туманна, но в этом случае она поглощена объективной, заранее разрешённой ситуацией эксперимента. Эксперимент снимает с личности «учителя» и «тюремщика» ответственность за любого рода поступки.

Оба эксперимента показали определённую степень непредсказуемости в отношении его завершения. Иными словами, начало эксперимента не предполагало знания его продолжения; особенно это касается эксперимента Ф. Зимбардо. В ходе эксперимента появляются результаты и следствия, которые не закладывались в изначальные условия эксперимента, а появлялись в нём самопроизвольно, поскольку условия были искусственными с самого начала. Предмет, над которым проводился эксперимент, начинал жить самостоятельной жизнью. Отсюда мы делаем вывод: в ходе эксперимента рождался новый предмет, искусственный в отношении того, который был изначальным.

Сам Ф. Зимбардо, пытаясь понять и осмыслить «эффект Люцифера», спровоцированный его экспериментом, утверждает, что ситуацию создает социальная система, которая с необходимостью идеологична, и, по сути, на этой обезличенной системе всегда и лежит ответственность за возможные перегибы в ходе эксперимента. Данная аргументация Ф. Зимбардо логически близка аргументации Ф. Бэкона, который утверждал, что в ходе научного эксперимента природа начинает взаимодействовать «сама с собой» [7]. Ф. Бэкон стремился избавиться природу от антропоморфных признаков и сделать из неё чистый предмет, предоставить её самой себе. Однако, избавив эксперимент от мифологических антропоморфных признаков, он привносит в него с необходимостью признаки научные, внешне-объективные, но по сути такие же мифологические. Повторим: особенность экспериментального отношения к действительности заключается в том, что в результате агрессивного воздействия на испытуемый объект происходит перестройка, переформирование его природы и, как следствие, *появление природы нового типа*.

Идея создания новой природы, природы нового типа, природы под запрос человека своими корнями уходит в библейские сюжеты. Бог создает мир из ничего, по любви.

Человек – образ и подобие Бога, и потому имеет похожие притязания, но, в отличие от Бога, человек не располагает таким количеством любви, которое позволяет ему творить «из ничего», и, «создавая свободу», человек вынужден пользоваться «природными кирпичиками», некоей природной данностью, из которой он будет творить. Например, комбинируя атомы различных химических элементов, можно создать новые химические вещества, которых нет в природе. Структурная химия заложила основы органического синтеза и дала в XX в. миру новые лекарства, резину, искусственный шелк, красители и многое другое. Во второй половине XX века появляется генная инженерия – наука об управляемых мутациях, которая позволяет, используя генетический материал, создавать трансгенные организмы. *В экспериментальном подходе заложена идея создания новой природы, природы под запрос человека, природы контролируемой и с «заданными свойствами».* Аристотелизм отказывался природу контролировать. В Новое время наука ставит природу под контроль. Ярче всего перспективы тотального контроля над природными и социальными объектами представлены в романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир».

Социальные эксперименты позволяют человеку «быстро получить новую природу». Попадая в заключение, человек не должен привыкать быть заключённым, не должен тратить время на усвоение нового жизненного сценария. Гуманнее сразу сделать его заключённым, подарить ему на время новую природу. (Такого рода «гуманизму» посвящён советский фильм С. Кулиша «Мёртвый сезон».)

Используем при анализе социального эксперимента логику рассуждений Джорджио Агамбена в отношении так называемой «голой жизни» (*nudavita*), которую он исследует [1; 2], в частности, на примере немецких лагерей Второй мировой войны. Агамбен анализирует политический аспект, допускающий и позволяющий в социальном эксперименте доходить до дна голой жизни. В той мере, в какой политическое принадлежит природе человека изначально, мы целиком соглашаемся с результатами этого авторитетного итальянского исследователя¹.

Агамбен полагает, что политическое связано, с одной стороны, с сакральным, а с другой – с экстремальным, чрезвычай-

ным. Сакральное он прочитывает в юридическом смысле, а не так, как его традиционно трактует культурная антропология. Юридическим термином «*sacer*» в римском праве называли человека, которого мог убить всякий, но при этом данный субъект не становился жертвой. Такого рода изгой, по мнению Агамбена, начинал жить «голой жизнью», той чистой жизнью, которую мы называем сейчас «биосом», т. е. жизнью в простом биологическом смысле слова. Жизнь субъекта такой «голой жизни» может длиться долго, она и длится, по сути, всю европейскую историю. Власть суверена может лишиться его жизни, но при этом субъект такой жизни священен (*sacer*). Быть священным для власти – значит в любое время быть готовым к смерти. Это кажется странным, но если вспоминать европейскую историю и её развитие в этой дихотомии: суверен/власть – субъект подчинения, то тезис М. Фуко [9; 16; 19], который использует Агамбен: «Формула классической власти заключается в том, чтобы предать смерти или сохранить жизнь», выглядит убедительно. Заметим, что форма отношения к власти в культуре, как правило, проявлялась через смерть: Сенека умирает по приказу Нерона, Сократ умирает ради закона, Роланд героически погибает ради рыцарской чести и «милрой Франции». Власть Сфинксы заключена в том, чтобы убить не отгадавшего загадку. Если загадка отгадывается в случае Эдипа, то Сфинкса уходит, предоставляя Эдипу жить так, как он хочет. Заметим, жизнь Эдипа полна ошибок и роковых случайностей, в которые ни боги, ни Сфинкса не вмешиваются до поры. Как бы страшна власть суверена ни была, в частную жизнь эта власть не вторгается и не вмешивается. Процесс внедрения власти в частную жизнь человека начинается тогда, когда место суверена занимает объективированный закон. Это происходит в эпоху Нового Времени, как раз тогда, когда между законом и наукой ставится знак равенства. Жизнь человека становится сакральной, священной уже не в старом, юридическом «римско-античном» смысле слова, а в прямом гуманистическом. Права человека провозглашаются *священной* ценностью, но вместе с тем власть политического начинает распространяться и влиять на все области жизнедеятельности человека: на его «биос». Действительно, сейчас мы видим, что через био-политические технологии власть регулирует частную жизнь индивида, представляя эту регуляцию как проявление максимальной заботы о человеке и особого рода попечения о его част-

¹ Д. Агамбен опирается на положения К. Шмита, для которого государство политически и технически может санкционировать любое юридическое решение, в том числе и преступное.

ной жизни. Примеры такого рода регуляции: диеты, витамины, биодобавки, обязательная диспансеризация, нормы калорий на упаковках продуктов, мода на фитнес залы, солярии, спа-салоны, жилищная политика, экологическая мания/истерия, рекомендации врачей. Иными словами, биополитика захватывает жизнь человека как биологическое существо, не давая пространства для жизни частной, поскольку жизнь частная и жизнь вообще становятся одним и тем же.

Символом, показателем кристаллом пространства, или «номоса», по словам Агамбена, контролируемыми той властью, которая нацелена на *pudavita*, является лагерь. Именно в лагере чистая жизнь проявлена максимально открыто, без прикрытия и защиты. Можно назвать её постоянно длящейся экзистенциальной ситуацией, превратившуюся в биологическое состояние выживания. В Германии юридически и политически лагерь санкционирован официально (указом о защите народа и государства от 28 февраля 1933¹); соответственно, всё, что творится экспериментально за его стенами, будет легальным и легитимным. Жизнь в такого рода условиях будет стремиться только к одному – продолжить саму себя, сохраниться.

Такие понятия, как ответственность, вина, благо, стыд в условиях лагерных социальных экспериментов не работают, они бессмысленны, поскольку ничего не могут описать, а уж тем более проанализировать. Агамбен ставит под сомнение возможность в принципе достоверно анализировать то, что было внутри лагерного эксперимента. Действительно – подлинники свидетели мертвы, а оставшиеся в живых либо больны, изломаны экспериментом, либо не могут истинно свидетельствовать об увиденном. В этом смысле субъект социального эксперимента уже находит на операционном лагерном столе и как его будут оперировать: с наркозом, без наркоза, завтра или послезавтра – это уже детали. Скорее всего его уже прооперировали, но он об этом не знает. Заключённые эксперимента Ф. Зимбардо уже заключённые, и ничто их не спасёт, кроме радикальной волевой внешней остановки эксперимента. В противном (если эксперимент не остановить) случае у эксперимента «ниоткуда» появляется своя логика, техническая процедура, аргументированная и научно подкреплённая структура. Мы знаем, что немецкие врачи, проводившие медицинские опыты во имя

¹ Вторая подпись под указом после президента Гинденбурга – подпись рейхсканцлера А. Гитлера.

науки над заключёнными лагерей, переписывались с коллегами из США, вступали в научные дискуссии со своими заокеанскими коллегами и защищали научные диссертации на материале опытных исследований.

Заключение

Иллюзия современного эксперимента нарушает ницшеанский запрет на снятие покровов радикально [6]. Истина обнажена, просвечена насквозь, употреблена по нашему усмотрению, и при этом нам же внушается, что именно этого она и мы хотели. Экспериментальная наука и социальные практики не остаются на поверхности природы, как о том призывал Ф. Ницше в «Весёлой науке». Подростковое «окаянство» («Весёлая наука») в отношении истины стало вещью обыденной и повседневной. Специфическая практическая зрелищность, о которой мы говорили в начале статьи, становится тотальной прозрачностью (Ж. Бодрийяр). В этой тотальной прозрачности уже не важно, что иллюзорно, а что собственно реально. Учёный работает и на виду публики, и в тишине засекреченной подземной лаборатории. Результат его исследования должен быть проявлен как можно быстрее, сегодня истина не терпит медлительности, а специфичность этой истины заключена в том, как она будет представлена массовому зрителю, которому юридически и политически можно доказать/обосновать что угодно.

1. Агамбен Д. *Homosacer*. Суверенная власть и голая жизнь / ред. Д. Новикова ; пер. О. Дубицкая, М. Велижев, И. Левина и др. М. : Европа, 2011. 256 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=128615> (дата обращения: 30.05.2018).

2. Агамбен Д. *Homosacer*. Чрезвычайное положение / ред. Л. Воропай ; пер. О. Дубицкая, М. Велижев, И. Левина и др. М. : Европа, 2011. 148 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=128583> (дата обращения: 30.05.2018).

3. Ахутин А. В. Понятие «природа» в античности и Новое время («фюсис» и «натура»). М. : Наука, 1988. 288с.

4. Ахутин А. В. История принципов физического эксперимента: от Античности до XVII в. М. : Директ-Медиа, 2014. 293 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=228428> (дата обращения: 30.05.2018).

5. Ахутин А. В. Поворотные времена. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2014. Ч. 2. Статьи и наброски. 537 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=459408> (дата обращения: 30.05.2018).

6. Булл М. Анти-Ницше / пер. с англ. Д. Кралечкина ; науч. ред. А. Смирнов. М. : Дело, 2016. 273 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=487658> (дата обращения: 30.05.2018).

7. Бэкон Ф. Новый Органон: вторая часть сочинения, называемая Новый Органон, или истинные указания для истолкования природы / пер. С. Красильщикова. М. : Директ-Медиа, 2014. 281 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6986> (дата обращения: 30.05.2018).

8. Дин М. Правительность: власть и правление в современных обществах / пер. с англ. А. А. Писарева ; под науч. ред. С. М. Гавриленко ; авт. предисл. А. Бикбов. М. : Дело, 2016. 593 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=487669> (дата обращения: 30.05.2018).

9. Дьяков А. В. Мишель Фуко и его время. СПб. : Алетейя, 2010. 672 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=82727> (дата обращения: 30.05.2018).

10. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1990. 575 с.

11. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М. : Альпина non-фикшн, 2016. 740 с.

12. Золотухина-Аболина Е. В. Историко-философские этюды: XX век и современность / науч. ред. Л. П. Пендюрина. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. 221 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=271618> (дата обращения: 30.05.2018).

13. Кант И. Критика чистого разума / пер. Н. О. Лосский. М. : Директ-Медиа, 2002. 1095 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7029> (дата обращения: 30.05.2018).

14. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М. : Прогресс, 1980. 260 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=46967> (дата обращения: 30.05.2018).

15. Милгрэм С. Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль : пер. с англ. М. : Альпина non-фикшн, 2016. 282 с.

16. Мишель Фуко и литература : науч. сб. / под ред. Н. Т. Пахсарьян и др. СПб. : Алетейя, 2015. 144 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=363294> (дата обращения: 30.05.2018).

17. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 832 с.

18. Философия. Язык. Культура / отв. ред. В. В. Горбатов. СПб. : Алетейя, 2014. Вып. 5. 566 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=363330> (дата обращения: 30.05.2018).

19. Фуко М. Альтернативы тюремному заключению: рост или спад социального контроля? // Реферативный журнал. Сер. 11. Социология. 2011. № 1. С. 16–28.

20. Хоружий С. С. Фонарь Диогена: критическая ретроспектива европейской антропологии. М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2010. 688 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=447510> (дата обращения: 30.05.2018).

References

1. Agamben D. (2011) *Homosacer. Suverennaja vlast' i golaja zhizn'*. Moscow, Evropa, 256 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=128615>, accessed 30.05.2018. [in Rus].

2. Agamben D. (2011) *Homosacer. Chrezvychajnoe polozhenie*. Moscow, Evropa, 148 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=128583>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

3. Ahutin A.V. (1988) *Ponjatje "priroda" v antichnosti i Novoe vremja ("fjusus" i "natura")*. Moscow, Nauka, 288 p. [in Rus].

4. Ahutin A.V. (2014) *Istorija principov fizicheskogo jeksperimenta: ot Antichnosti do XVII v.* Moscow, Direkt-Media, 293 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=228428>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

5. Ahutin A.V. (2014) *Povorotnye vremena. Ch. 2. Stat'i i nabroski*. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 537 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=459408>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

6. Bull M. (2016) *Anti-Nicshe*. Moscow, Delo, 273 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=487658>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

7. Bjekon F. (2014) *Novyj Organon: vtoraja chast' sochinenija, nazываемaja Novyj Organon, ili istinnye ukazanija dlja istolkovanija prirody*. Moscow, Direkt-Media, 281 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=6986>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

8. Din M. (2016) *Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennyh obshhestvah*. Moscow, Izdatel'skij dom «Delo», 593 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=487669>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

9. D'jakov A.V. (2010) *Mishel' Fuko i ego vremja*. Sankt-Peterburg, Aleteija, 672 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=82727>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

10. Djurkgejm E. (1990) *O razdelenii obshhestvennogo truda. Metod sociologii*. Moscow, Nauka, 575 p. [in Rus].

11. Zimbardo F. (2016) *Jeffekt Ljucifera. Pochemu horoshie ljudi prevrashhajutsja v zlodееv*. Moscow, Al'pina non-fikshn, 740 p. [in Rus].

12. Zolotuhina-Abolina E.V. (2015) *Istoriko-filosofskie jetjudy: XX vek i sovremennost'*. Moscow, Berlin, Direkt-Media, 221 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=271618>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

13. Kant I. (2002) *Kritika chistogo razuma*. Moscow, Direkt-Media, 1095 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=7029>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

14. Kjempebell D. (1980) *Modeli jeksperimentov v social'noj psihologii i prikladnyh issledovanijah*. Moscow, Progress, 260 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=46967>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

15. Milgrjem S. (2016) *Podchinenie avtoritetu: nauchnyj vzgljad na vlast' i moral'*. Moscow, Al'pina non-fikshn, 282 p. [in Rus].

16. Mishel' Fuko i literature (2015). St. Petersburg,

Aletejja, 144 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=363294>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

17. Nicshe F. (1990) *Sochineniya: v 2 t. T. 1.* Moscow, Mysl', 832 p. [in Rus].

18. *Filosofija. Jazyk. Kul'tura* (2014). Iss. 5. St. Petersburg, Aletejja, 566 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=363330>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

19. Jakimova E.V. (2011) *Referativnyj zhurnal. Serija 11: Sociologija*, no. 1, pp. 16–28 [in Rus].

20. Horuzhij S.S. (2010) *Fonar' Diogena: kriticheskaia retrospektiva evropejskoj antropologii.* Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 688 p. Available at: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=447510>, accessed 30.05.2018 [in Rus].

For citing: Chernov L.S., Pogorelskaya E.Yu. The image and traces of scientific experiment // *Socium i vlast'*. 2018. № 3 (71). P. 104–111.

UDC 304.2

THE IMAGE AND TRACES OF SCIENTIFIC EXPERIMENT

Leonid S. Chernov,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute of Management, Associate Professor of the Department Chair of Philosophy and Political Sciences
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
The Russian Federation, 620144, Yekaterinburg, ulitsa 8 Marta, 66.
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Elena Yu. Pogorelskaya,

Humanitarian University, The Department of Social Psychology, Associate Professor of the Department Chair of Social-cultural Service and Tourism,
Cand. Sc. (Philosophy).
The Russian Federation, 620049, Yekaterinburg, ulitsa Studencheskaya, 19.
E-mail: schreibigus@mail.ru

Annotation

The authors make an attempt to reduce experimental scientific paradigm of modern times, formed on the basis of natural science to worldview values of modern technological era. This procedure helps to analyze modern social-cultural processes from the perspective of social, ideological, and psychological experimenting.

Key concepts:

scientific method,
social experiment,
experimental situation,
human nature.